

Когда Император прибыл в Императорскую академию, там как раз шло занятие по военному делу. Юноши, только-только закончившие унылое переписывание трактатов, мгновенно воспрянули духом.

К этому времени почти все, кто мастерил миниатюрные самострелы, уже закончили сборку. До этого инструктор выделил им специальный стеллаж — по четыре полки на каждого, где и хранилось сделанное собственными руками оружие. Раньше им редко позволяли любоваться своими творениями, но сегодня наставник велел сопровождающим вынести стеллаж, чтобы устроить показ.

— Это я сам сделал! Смотрите, какой огромный, грозный — хоть сейчас в бой!

— Да твой топорный какой-то. Вот мой — настоящая тонкая работа!

— А мой лучше всех, точь-в-точь как у Седьмого принца!

Мальчишки окружили стеллаж, наперебой хвастаясь плодами своих трудов, над которыми корпели больше месяца. Лица их светились гордостью и чистым ребячьим восторгом.

Император стоял у окна.

— Что это там такое? — спросил он.

— Ваше Величество, это самострелы, которые молодые господа смастерили своими руками, — почтительно отозвался управляющий Лянь.

Государь молча продолжил наблюдение.

На этом уроке инструкторы позволили принцам и сыновьям вельмож выбрать по одному собственному самострелу для стрельб. Мальчишки радостно завопили, разобрали самое удачное, на их взгляд, оружие и выстроились в ровную шеренгу. Теперь, когда они стояли плечом к плечу, каждый из них был как на ладони.

Замыкал строй самый худенький и невысокий мальчик. Держа в руках самострел, он какое-то время стоял, опустив глаза, а затем несмело, колеблясь, бросил взгляд в сторону окон.

Император замер.

Лицо ребенка было болезненно бледным, но это не могло скрыть его удивительной красоты.

Даже в императорском дворце, где хватало красивых людей, этот мальчик выделялся среди всех, хотя ему едва исполнилось шесть или семь лет.

Нос — точная копия отцовского, прямой и высокий, разве что сейчас, в силу возраста, выглядел изящнее и тоньше.

Губы достались ему от матери — тонкие, нежно-розовые, почти бесцветные; казалось, от этой блеклости в нем едва теплится жизнь.

А глаза сочетали в себе черты обоих родителей: разрез феникса плавно переходил в кроткий олений взор. В них светились ум и чистота, но вместе с тем — глубокое, совсем не детское спокойствие, умиротворяющее, точно далекие горы и тихая заводь. Такой тишины не встретишь у обычных шаловливых детей.

— Он... только что посмотрел на Меня? — едва слышно прошептал Император.

Управляющий Лянь осторожно уловил перемену в его лице и с мягкой улыбкой ответил:

— Говорят, сердца отца и сына связаны незримой нитью. Должно быть, Седьмой принц почувствовал ваше присутствие, Ваше Величество.

Государь промолчал.

Мальчик оглянулся еще раз и лишь тогда, когда инструктор Лю скомандовал приготовиться, неторопливо отвернулся. На фоне возбужденно галдящей толпы его тонкая фигурка казалась скованной и одинокой.

Мальчишки вскинули маленькие самострелы. Инструктор Лю взмахнул флажком, и туча стрел с гулом устремилась к мишеням. Присутствующие поначалу не могли понять, о чем думает Император, вглядываясь в окно. Но когда два раунда стрельбы завершились, государь в изумлении воскликнул:

— Откуда на мишенях столько стрел?!

Другой наставник Императорской академии поспешил подробно доложить о недавних изобретениях и истории создания этих миниатюрных самострелов. Выслушав его, Император помрачнел еще сильнее, его упрямый подбородок напрягся. Зато у стоявших в комнате гвардейцев при этом докладе загорелись глаза — они с вождением уставились в окно, едва сдерживая желание самим испробовать диковинное оружие.

Когда стрельбы закончились и инструкторы разобрали ошибки каждого ученика, ребятам велели привести себя в порядок и явиться к Императору в Зал Размышлений. Над строем пронесся дружный мысленный стон — особенно громко сокрушались те, кого еще утром

заставили переписывать книги.

Четвертый принц Юй Бэйчжэн шествовал впереди с самым самодовольным видом, гордо выпятив грудь и едва не обгоняя Наследного принца. По пути он без умолку утешал Юй Нина — и от волнения уберечь пытался, и от возможной обиды укрыть, искренне переживая за младшего брата.

Сам-то Бэйчжэн к подобным нахлобучкам давно привык, для него это было раз плюнуть, но Сяо Нин — дело другое.

Малыш ведь отца с самого рождения в глаза не видел.

Разве может ребенок не тосковать по отцовскому теплу?

Сяо Нин наверняка грезил об этой встрече долгие годы, ждал ее всем сердцем, а теперь, при первом же свидании, его, чего доброго, жестоко отчитают.

Даже у такого простоватого и грубоватого парня, как Бэйчжэн, от этих мыслей защемило сердце.

Юй Нин не знал, как отвечать на эти неуклюжие утешения. На самом деле страх и растерянность уже покинули его. Стоило Императору ступить на порог Академии, как пользователи из Небесной книги тут же доложили обо всем.

Где именно стоит государь, кто его сопровождает, какие слова он произносит — Юй Нин владел всей полнотой картины. Самые тревожные минуты остались позади.

Сейчас в его душе теснилось множество противоречивых чувств: тут были и робкая надежда, и легкий трепет, но в целом он держался куда спокойнее, чем ожидал от себя сам.

Императору недавно перевалило за тридцать. В отличие от футуристического мира за пределами Небесной книги, в Дашэн тридцать шесть лет считались порогом, за которым мужчина мог величать себя «старцем», тридцать лет знаменовали зрелость, а к сорока годам человек уже подходил к старости. Однако правитель Поднебесной превосходно следил за собой и выглядел на удивление молодо.

Разве что за последние два года во дворце почти не рождалось новых принцев и принцесс.

По великолепной внешности его сыновей можно было судить о его собственной красоте: статная фигура в ярко-желтом шелковом халате, расшитом грозными золотыми драконами, волевое, благородное лицо, вразлет очерченные брови, пронзительный взгляд и прямой, словно высеченный из камня нос.

Юй Нин стоял чуть позади и сбоку от Юй Бэйчжэна. Выказав положенное почтение, он лишь через силу заставил себя поднять глаза на лицо Императора. Сделав один-единственный быстрый взгляд, он тут же поспешно опустил голову. Тело его напряглось, а лицо сделалось еще более бесстрастным.

Они с отцом действительно были похожи.

Эта простая и очевидная истина, подтвержденная воочию, отозвалась в его детской душе странным, трепетным эхом.

Этот мужчина походил на него не из-за случайного совпадения черт. Сама природа запечатлела на их лицах неразрывную кровную связь.

— Полюбуйтесь на себя! Что за каракули вы тут вывели?! — Император выхватил из рук управляющего Ляня исписанные листы и поочередно швырнул их в провинившихся мальчишек. — Юй Бэйчжэн! Ся Шоуюэ! Ли Мэнчуань! Если ваши военные донесения попадут в руки врагов, те горькими слезами обольются, попытаюсь разобрать этот бред!

[Ха-ха-ха!]

[Император такой серьезный, а шутит просто умора!]

Ся Шоуюэ и наследник Ли тут же рухнули на колени. Юй Бэйчжэн, сообразив, что отец даже не упомянул Сяо Нина, облегченно вздохнул и расплылся в улыбке:

— Так это же замечательно, отец-император! Пусть поплачут, зря только радоваться будут!

— Словно Я сам могу разобрать здесь хоть слово! — отрезал правитель.

Юй Бэйчжэн осекся.

Четвертый принц был полностью разгромлен. Остальные мальчишки и вовсе боялись издать хоть звук — они стояли, втянув головы в плечи, боясь даже вздохнуть.

— Стоило вам подняться в небо, как вы окончательно растеряли остатки разума? — гремел Император. — Храбрости у вас хоть отбавляй, раз решились на такую опасную забаву, а перед собственной собачьей писаниной стоите ни живы ни мертвы?

— Отец-император, не вините их! Это всё затея Седьмого принца! — вдруг раздался звонкий, фальшиво-отважный голос.

Пятый принц Юй Чао выступил вперед, преисполненный собственной значимости.

Юй Нин лишь слегка поджал губы и безмолвно опустился на колени.

Юй Чао так и сиял от гордости за собственный ум. Ему казалось, что, заступившись за Бэйчжэна и остальных перед лицом отца, он не только выставит Юй Нина крайним, но и заслужит всеобщую благодарность и преданность.

«Какой же я гений!» — ликовал он про себя.

Для исходившего завистью Юй Чао этот момент стал долгожданным триумфом.

Однако, подняв глаза, он наткнулся на яростный, испепеляющий взгляд Юй Бэйчжэна. На лицах Ся Шоуюэ и наследника Ли тоже не было и следа радости.

Юй Чао растерялся.

— Отец-император, Сяо Нин здесь ни при чем! — поспешно выкрикнул Юй Бэйчжэн.

— Ваше Величество, Седьмой принц не виноват, — поддержали его остальные.

Император перевел взор на коленопреклоненного ребенка. Юй Нин казался таким хрупким и крошечным, сжавшись в сиротливый комочек на холодном полу.

— Поднимись, — ровно произнес государь. — Так этот самострел — тоже идея Сяо Нина?

— Да, — тихо отозвался Юй Нин.

Император небрежно махнул рукой:

— За благое дело прощаю бывшие прегрешения. Но впредь запрещаю ввязываться в столь опасные авантюры.

Юй Нин изумленно вскинул голову. Его обычно спокойные глаза заблестели, сделавшись невероятно живыми и ясными.

— Вот и славно! Спасибо, отец! — радостно воскликнул Юй Бэйчжэн. — Я же говорил, Сяо Нин ни в чем не виноват!

— А ты-то чему радуешься? — Император сурово указал на него пальцем, а затем обвел

взглядом остальных сорванцов. — Живо отправляйтесь переписывать всё заново. Сдать завтра утром. Если я не смогу разобрать хотя бы один иероглиф, заставлю переписать еще десять раз.

Мальчишки мысленно завывали от тоски. Но на этом их мучения не закончились: Император велел позвать наставников и лично принялся проверять успеваемость учеников.

Лишь к закату изнуренные юноши покинули Зал Размышлений, унылые и поникшие, точно побитые морозом баклажаны. Только двое сохраняли невозмутимый вид — Третий принц и Седьмой принц, заслужившие сегодня монаршую похвалу и награду. Они вышли последними.

Остановившись у дверей Зала Размышлений, Третий принц скользнул взглядом по темневшему вдали тепловому аэростату и вкрадчиво спросил:

— Сяо Ци, отчего же ты не позвал поиграть своего старшего брата?

Юй Нин инстинктивно отступил на полшага назад, стараясь спрятаться от этого внимания, и промолчал.

Третий принц мягко подцепил пальцами подбородок Юй Нина, заставляя его поднять лицо. На губах старшего брата заиграла тонкая улыбка, а его раскосые, лисьи глаза в лучах заходящего солнца вспыхнули опаловым блеском.

— Ну же, Сяо Ци, почему ты обошел меня вниманием?

[О боже мой!]

[А ну убрал руки от ребенка! Сяо Ци еще совсем кроха, ко мне приставай!]

[Что?!]

[Этот принц такой молодой, а уже распускает руки и хватает за подбородок?]

[Мне кажется, наш малыш побаивается этого лисьего принца...]

Юй Нин спрятал руки за спину, крепко сцепив пальцы, и замер, боясь пошевелиться. Его дыхание стало частым и неровным.

— Сяо Нин! Ну чего ты там копаешься! — раздался громогласный крик.

Юй Бэйчжэн, ожидавший брата у ворот Академии, размашисто подбежал к ним, бесцеремонно оттолкнул руку Третьего принца и заслонил Юй Нина своей широкой спиной.

— О чем это вы расспрашиваете моего Сяо Нина, Третий брат?

Третий принц лишь снисходительно усмехнулся, одарил Юй Нина долгим, нечитаемым взглядом и неспешно удалился.

Юй Бэйчжэн взял младшего за руку и повел к выходу:

— Сяо Нин, почему у тебя ладошки такие ледяные?

Юй Нин немного пришел в себя и потер ладонь о ладонь:

— Да так... просто разволновался перед отцом-императором.

— Третий брат вечно ведет себя странно, то улыбается, то злится, у него на уме один хаос. Не обращай внимания, Сяо Нин, не бойся его. Если что, держись поближе ко мне, понял?

Юй Нин послушно кивнул, но перед глазами у него все еще стоял взгляд Третьего принца — нет, не тот, давешний, обманчиво ласковый, а самый первый, который он перехватил в учебном классе, когда тот только проснулся.

Семья Третьего принца была самой могущественной среди всех знатных родов. Его дед по материнской линии — канцлер Дашэн, вершивший судьбы государства на протяжении десятилетий, а мать — Благородная супруга, чье влияние в гареме превосходило даже власть Императрицы.

При таком происхождении капризный и непредсказуемый нрав Третьего принца никого не удивлял. И все же Юй Нин испытывал перед ним безотчетный, инстинктивный страх с самого первого дня в Академии.

Они миновали ворота Императорской академии, и образ Третьего принца наконец померк в его мыслях, уступив место другому лицу.

Мальчик остановился и оглянулся на величественные стены.

Это была их первая встреча с отцом.

Всего лишь пара мгновений.

— Сяо Нин, отец ведь похвалил тебя? Ты у меня такой умница! — Юй Бэйчжэн с нежностью посмотрел на затылок младшего брата, пытаясь подбодрить его. — Не грусти. Теперь вы будете встречаться гораздо чаще.

— Угу, — тихо отозвался Юй Нин.

Когда они скрылись из виду, Император вышел из Зала Размышлений и направился обратно к военному плацу. Он приказал инструкторам выкатить тепловой аэростат.

Государь задумчиво разглядывал диковинное сооружение, вспоминая, как вчера эта громадина величаво плыла по лазурному небу. Пальцы его непроизвольно сжались.

— Сколько раз вчера поднимались в воздух? — спросил он.

— В общей сложности шестнадцать раз, Ваше Величество, — почтительно доложил инструктор Лю. — Четвертый принц поднимался четырежды.

— Я тоже испробую, — буднично произнес Император.

Инструктор Лю лишился дара речи.

Управляющий Лянь побелел от ужаса:

— Ваше Величество! Пощадите! Это же смертельно опасно!

— Раз шестнадцать раз все прошло гладко, чего ты раскричался? — недовольно поморщился Император. — Я знаю Бэйчжэна и Фэя. Эти сорванцы не стали бы так рисковать, не будь у них надежной страховки.

«Пару минут назад в Зале Размышлений вы говорили совсем другое!» — мысленно взвыл евнух.

Но спорить с государем было бесполезно.

— Ладно тебе дрожать. Просто созови побольше гвардейцев, — отмахнулся Император.

Вскоре территорию Академии оцепили более тысячи вооруженных стражников. На всем пути предполагаемого полета аэростата внизу плотными рядами выстроились воины, готовые в любой момент броситься на помощь.

Инструктор Лю поднялся в корзину вместе с монархом. Слуги удерживали купол, пока горелка наполняла его горячим воздухом. Управляющий Лянь и командир гвардии стояли внизу бледные, как смерть, готовые вцепиться в канаты при малейшей угрозе.

Аэростат плавно оторвался от земли. Даже будучи владыкой Поднебесной, Император не мог сдержать мальчишеского восторга. Подобного азарта и остроты чувств он не испытывал с тех

самых пор, как взошел на трон.

На миг ему показалось, будто вернулись славные годы юности, когда он вихрем носился на лихом скакуне.

Когда они достигли предельной высоты и весь бескрайний императорский дворец раскинулся у его ног, в груди правителя всколыхнулось пьянящее чувство безраздельного господства над миром.

Когда аэростат благополучно приземлился, у управляющего Ляня словно гора с плеч свалилась. Он поспешил подать руку повелителю, но тот лишь небрежно отмахнулся:

— Еще раз!

Управляющий Лянь едва не лишился чувств.

На самом деле мальчишкам удалось вдоволь повеселиться лишь в тот злополучный вечер. Им безумно хотелось подняться к облакам снова, пускай даже ценой бесконечного переписывания книг. Но теперь об этом можно было забыть. Ребята готовы были выть от досады — ведь они прикоснулись к настоящему чуду! Некоторые из приглашенных учеников уже вовсю размышляли, как бы уговорить Седьмого принца смастерить такое же чудо для их собственных загородных усадеб.

На следующее утро, явившись в Академию унылыми и невыспавшимися, они с удивлением обнаружили, что тепловой аэростат никто и не думал уничтожать.

Хм. Что-то здесь не так.

— Я вчера лично считал — кое-кто поднимался в небо целых пять раз! — сердито пробурчал Юй Бэйчжэн.

Наследный принц строго цыкнул на него:

— Замолчи!

Кому еще в этом дворце дозволено безбоязненно летать к облакам посреди ночи, объяснять никому не требовалось.

Юй Бэйчжэн тоже смекнул, в чем дело, и в классе воцарилось многозначительное молчание.

В этой тишине самыми спокойными выглядели обитатели первой парты. Два маленьких принца

сидели настолько смиренно, словно родились и выросли в этой безмолвной атмосфере.

Юй Нин вел себя как обычно, тихо и прилежно, да и Шестой принц, казалось, ничем не выдавал своих чувств — его хорошенькое личико по-прежнему не выражало ровным счетом ничего. И все же Юй Нин улавливал: его Шестой брат глубоко обижен.

Эта обида отличалась от обычной грусти. Объяснить словами Юй Нин не мог, но чувствовал — на сей раз в душе Сяо Лю клокочет настоящая досада.

Желая разрядить обстановку, Юй Нин вежливо заговорил с проходящей мимо сестрой:

— Старшая сестра, твоё сегодняшнее платье просто великолепно. Оно так выгодно подчеркивает белизну и нежность твоей кожи.

Шестой принц лишь едва заметно шевельнул губами:

— М-м? Старший брат... — и замолчал, так и не закончив мысль.

Он даже перестал соревноваться в изящных комплиментах!

Юй Нин понял: дело принимает серьезный оборот.

Во время полуденного отдыха под бдительным присмотром Наследного принца Шестой и Седьмой принцы по-прежнему легли вместе, устроившись лицом к лицу на одной кровати. Однако Юй Нин заметил, что между ними пролегла ощутимая «пропасть» шириной в две детские ладошки. Мальчик наконец осознал, что причиной этой тихой бури был он сам.

[Ох, мой милый малыш такой недогадливый!]

[Сяо Ци, неужели ты не понимаешь, что целый месяц провозился с этим дурацким аэростатом и совсем забросил нашего Глупого Шестого?]

[Раньше Сяо Лю только успевал присесть, а ты уже видел, что он не в духе, а теперь совсем остыл!]

[Сяо Ци наверняка все понимает, просто молчит. Эх, так дело не пойдет, надо поговорить!]

Юй Нин мысленно вздохнул. Теперь он все понял. Виновником действительно был он сам.

Обычно Юй Нин засыпал первым. И хотя сейчас Шестой принц лежал с закрытыми глазами, а его длинные ресницы даже не вздрагивали, Юй Нин чувствовал — друг только притворяется

спящим.

Юй Нин тихонько завожился и придвинулся чуть ближе.

Ресницы Шестого принца едва заметно дрогнули.

Юй Нин осторожно протянул руку и накрыл ладонку Сяо Лю своей. Тот инстинктивно вздрогнул, но глаз не открыл и руку убирать не стал — иначе пришлось бы признать, что он не спит.

Видя, что его не отвергли, Юй Нин облегченно вздохнул.

На самом деле он очень хотел поиграть вместе с Шестым братом, но тот все свободное время проводил подле Наследного принца, послушно следуя за ним в Восточный дворец, поэтому Юй Нин и не решался его тревожить. К тому же Сяо Лю, как и маленький наследник из поместья князя Аньпина, панически боялся высоты, так что полеты на аэростате были ему не по душе.

Размышляя о том, как загладить вину перед другом, Юй Нин незаметно погрузился в глубокий сон. Когда дыхание мальчика выровнялось, Шестой принц открыл глаза, придвинулся к нему вплотную и прижался своим лбом к его лбу.

Губы Сяо Лю шевельнулись, но он прошептал свои слова так тихо, что даже пользователи Небесной книги ничего не расслышали.

[Какой же наш Глупый Шестой милый упрямец!]

[Ути-пути, как сладко ластится!]

[Сяо Лю, не переживай, мы не выдадим твой секретный поцелуйчик!]

На дневном уроке военного дела инструктор объявил, что по указу Императора Министерство работ забрало тепловой аэростат для детального изучения. В будущем возле тренировочных полей оборудуют специальную площадку, где после принятия всех мер безопасности мальчишкам разрешат летать вдоволь.

Новость встретили бурей восторженных возгласов. Подростки мгновенно позабыли об утренней хандре.

Юй Нин среди этого ликования перевел взгляд на Шестого принца — тот по-прежнему выглядел безучастным и грустным.

Мальчик тихо вздохнул. Вернувшись после занятий к себе, он решительно отложил все дела и заново принялся за чертежи детской горки, которую забросил некоторое время назад.

[О, неужели наш малыш наконец-то доберется до горки?]

[Неужели Сяо Ци строит ее специально для Глупого Шестого?]

[Во дворце столько бесплатных рабочих рук и материалов, глупо этим не воспользоваться! Сяо Ци, сделай самую огромную и сказочную горку в мире!]

Юй Нин мысленно согласился с ними.

Он только потянулся за кистью, чтобы внести правки в наброски, как вдруг уловил снаружи негромкий шорох.

Линь-мама из-за слабого здоровья уже почти ничего не слышала и редко покидала свои покои. Юй Нин отложил кисть и на цыпочках выбежал во двор. Возле ворот стоял тот самый округлый пожилой евнух, который сопровождал вчера государя.

— Управляющий Лянь, — негромко позвал его Юй Нин, остановившись на пороге.

Толстяк Лянь добродушно улыбнулся, отчего его круглое лицо сделалось еще приветливее:

— Седьмой принц. Старый слуга пришел справиться, не нуждается ли Ваше Высочество в чем-либо.

— Благодарю вас, у меня всего в достатке, — вежливо ответил мальчик.

Евнух бережно развернул свиток с планом дворцовых земель:

— Седьмой принц, Двор Белого Лета находится на самом отшибе дворца. Взгляните на эту карту, быть может, вам приглянутся другие покои?

Юй Нин удивленно моргнул. Он уже собирался ответить, что Двор Белого Лета и без того кажется ему огромным, как вдруг за его спиной раздались тяжелые, шаркающие шаги.

— Управляющий Лянь, — сухим, ледяным тоном произнесла подошедшая Линь-мама.

Юй Нин обернулся. Изможденное, увядшее лицо няни было сурово напряжено. Она смотрела на незваного гостя с нескрываемой враждебностью.

— Нам ничего не нужно. Убейся отсюда вместе со своей фальшивой заботой!

Юй Нин растерялся от такой резкости.

Управляющий Лянь, перед которым заискивали даже знатные наложницы и столичные чиновники, на мгновение нахмурился, но, вновь посмотрев на Юй Нина, вернул лицу прежнее мягкое выражение:

— Маленький принц, вы все же подумайте над моим предложением.

— Прочь! — прикрикнула няня, и голос ее сорвался на хрип.

Управляющий почтительно поклонился Юй Нину, но улыбка окончательно сошла с его лица. Развернувшись, он холодным шагом направился к выходу.

Линь-мама тяжело дышала, судорожно вцепившись в косяк двери. Юй Нин бережно подхватил ее под руку и помог дойти до постели.

— Сяо Нин, никогда не покидай Двор Белого Лета. Это единственное место, где жила твоя матушка... — тихо прошептала она угасающим голосом.

— Хорошо, матушка Линь, я останусь здесь, — покорно пообещал мальчик.

Убедившись, что няня забылась беспокойным сном, Юй Нин тихо выскользнул из комнаты и со всех ног бросился вдогонку за управляющим Лянем. Тот не успел уйти далеко. Заметив бегущего следом ребенка, управляющий намеренно замедлил шаг и повернул назад.

Юй Нин подбежал к нему, заходясь лающим кашлем. Евнух заботливо склонился над ним и принялся легонько гладить по спине:

— Маленький принц, куда же вы так спешите? Вам нельзя так утомляться.

Когда приступ прошел, Юй Нин поднял голову и спросил:

— Управляющий Лянь, могу я попросить присоединить к моим покоям Сад Поздней Зелени, что находится прямо за нашей стеной?

Сад Поздней Зелени вплотную примыкал к Двору Белого Лета. Отделенный лишь высокой каменной оградой, он превосходил скромное жилище принца по размерам во много раз.

Раз уж они считают его Двор тесным, пускай даруют ему действительно просторные владения.

Круглое лицо управляющего Ляня вновь расплылось в довольной улыбке:

— Какое мудрое решение! Разумеется, Ваше Высочество, это прекрасная мысль. Старый слуга немедленно доложит государю и велит мастерам из Императорской сокровищницы прорубить в разделительной стене проход, чтобы вам было удобно переходить из одного двора в другой.

Глядя на его улыбку, Юй Нин мысленно выдохнул.

Управляющий Лянь оказался человеком дела: уже к вечеру во Двор Белого Лета прибыли рабочие из Императорской сокровищницы. Получив строгий наказ не беспокоить обитателей старого дома, они шумно принялись за работу со стороны заброшенного сада.

Вскоре в глухой каменной стене красовалась изящная полукруглая арка, перекрытая двустворчатыми воротами из благородного самшита.

Когда строители ушли, Юй Нин осторожно толкнул тяжелые створки и шагнул вперед. Перед ним раскинулся огромный, таинственный сад, больше похожий на вековой лес.

[Ого!]

[Какая красота!]

[Настоящая лесная сказка!]

[Поздравляем нашего малыша с расширением жилплощади! Теперь он у нас настоящий магнат недвижимости!]

[Ахахаха, точно, землевладелец Сяо Ци!]

Юй Нин вместе с верным псом Няньнянем, весело крутившим хвостом, неспешно пошел по извилистой тропинке. Вокруг высились могучие деревья с раскидистыми кронами. Большую часть сада занимали старые, причудливо изогнутые деревья с плотными глянцевыми листьями.

— Это все мушмула, — пояснил Юй Нин, осторожно поглаживая шершавую кору одного из исполинов. — Как и Дворец под Бамбуковым Ручьем, Сад Поздней Зелени получил свое имя в честь растений, которые здесь преобладают. В книгах сказано: «Мушмула зеленеет поздней осенью, а платан теряет листву на исходе лета». Отсюда и название — Ваньцуйюань, Сад Поздней Зелени.

[Наш малыш такой начитанный, мамочка гордится тобой!]

[Сяо Ци знает абсолютно все на свете, невероятно умный ребенок!]

Юй Нин снова смутился от столь бурных восторгов. Эти загадочные люди из Небесной книги вечно хвалили его за самые обыкновенные вещи.

— Любой ребенок в три-четыре года знает эти строки, — тихонько прошептал он. — Они ведь есть в «Тысячесловии».

[Спорим, Юй Бэйчжэн об этом и слыхом не слыхивал!]

[Бэйчжэн: «А я-то тут при чем? Почему сразу я?»]

[Ха-ха-ха, бедный Бэйчжэн!]

Юй Нин с улыбкой побрел дальше в глубь сада.

Помимо мушмулы, здесь росло множество гранатовых деревьев. Августовские плоды мушмулы уже давно опали, зато ветви гранатов ломились от тяжелых, спелых плодов.

В Дашэн к выбору растений для дворцовых садов всегда относились со священным трепетом. Платаны высаживали в надежде привлечь священного феникса, а соседство мушмулы и граната символизировало процветание рода и многочисленное потомство.

Интересно, принесло ли это благословение счастье тем, кто когда-то жил в этих заброшенных стенах?

Но Юй Нин любил мушмулу вовсе не из-за древних легенд. Ее плоды и сочные листья были лучшим лекарством от изнуряющего кашля.

В детстве, когда приступы душили его особенно сильно, а вызывать врачей им запрещали, няня Линь сооружала длинный шест, забиралась на шаткий стул и аккуратно сбивала спелые плоды с ветвей, свисавших из соседнего сада за их ограду.

Но со временем ноги няни ослабели, и она больше не могла подниматься на стулья.

Тогда маленький Юй Нин отыскал в самом глухом углу ограды небольшую брешь. Будучи совсем крошечным и худым, он без труда протиснулся сквозь лаз, собрал целую корзину опавших плодов и принес их няне.

В тот день Линь-мама плакала очень долго. Это был первый раз, когда Юй Нин видел ее слезы.

Обычно такая строгая и непреклонная, няня сидела перед ним, а из ее глаз беззвучно катились крупные слезы.

Тогда Юй Нин ничего не понимал и лишь растерянно протягивал ей спелые плоды мушмулы на ладошках.

Лишь много позже, когда у той самой брешы он нашел брошенного щенка Няньняня, до него наконец дошел горький смысл ее слез.

Это был обычный собачий лаз. Чтобы добыть лекарство от кашля, маленький принц великой империи прополз через собачью дыру. От осознания этого няня и не смогла сдержать рыданий.

При воспоминании о пережитом на душе у Юй Нина вновь стало невыносимо тоскливо.

Вдруг со стороны парадных ворот Сада Поздней Зелени донеслись чьи-то шаги и голоса. В глубь сада неторопливо шествовали шестеро служанок и шестеро молодых евнухов. Заметив принца, они послушно склонились в глубоком поклоне:

— Приветствуем Седьмого принца. Управляющий Лянь прислал нас для услужения Вашему Высочеству.

Юй Нин мог отказать старшей сестре, но не смел противиться воле верховного евнуха.

— Вы можете разместиться в покоях Сада Поздней Зелени. Но без моего дозволения не смейте ступать на половину Двора Белого Лета, — спокойно распорядился мальчик.

Слуги переглянулись, но спорить не посмели и послушно склонили головы в знак согласия.

[О, у нашего малыша теперь не только земли, но и собственная свита появилась!]

[Сяо Ци не хочет пускать их во Двор Белого Лета из-за нас? Чтобы мы могли спокойно общаться?]

[Малыш, возьми кого-нибудь из них с собой в Академию, пускай носят твои вещи!]

Пока слуги были поблизости, Юй Нин не мог говорить вслух с Небесной книгой, поэтому он просто зашагал дальше, стремясь остаться наедине со своими мыслями.

Сад Поздней Зелени казался бесконечным, и мальчик еще не успел обойти даже половины его скрытых уголков.

[Сяо Ци, посмотри вперед! Там растут просто невероятные деревья!]

[Какие огромные! Я в жизни не видела ничего подобного (впрочем, я вообще мало деревьев видела)!]

Юй Нин прошел еще немного и замер в изумлении.

Прямо перед ним высились исполинские столетние баньяны. Своими необъятными стволами они, казалось, подпирали сам небосвод. Эти деревья росли здесь со времен основания дворца, безмолвно наблюдая за сменой эпох и поколений, и постепенно превратились в величественных гигантов, чьи раскидистые кроны полностью закрывали солнце.

Юй Нин высоко закинул голову, глядя на путаницу ветвей. На фоне этих древних исполинов его маленькая фигурка казалась совсем крошечной — словно сказочный лесной эльф случайно забрел в царство лесных титанов.

[Какая невероятно умиротворяющая картина.]

[Словно ожившая иллюстрация к волшебной сказке.]

Вдруг глаза Юй Нина радостно блеснули. Он наконец придумал, как вернуть улыбку на лицо своего Шестого брата.

<http://bllate.org/book/18427/1825874>